



ГАСЫМОВ ЭЛЬДАР ШАФИАДДИНОВИЧ

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИМИТАЦИИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ПИСЬМО К УЧЁНОМУ СОСЕДУ»

В поле зрения настоящей работы находятся стилистические особенности рассказа А. П. Чехова «Письмо к учёному соседу» (1880 г.), их роль в формировании образа провинциального помещика. Произведён лингвистический анализ текста художественного произведения, позволяющий сделать выводы относительно характера главного героя рассказа — Василия Семи-Булатова. Помимо стилистических признаков, формирующих арсенал средств речевой портретизации адресанта письма, рассмотрены формальные черты сообщения, их влияние на идейное своеобразие рассказа.

Ключевые слова: выразительные средства языка, лексическое значение, стиль, нарушение языковой нормы, логическая ошибка.

Keywords: expressive means of language, lexical meaning, pattern, linguistic infringement, logical fallacy.

В начале письма, как и принято, обозначается место написания — село Блины-Съедены. Примечательна абсурдность топонима. Вероятно, автор благодаря данной детали решает ряд художественных задач.

Во-первых, подобное название местности вступает в противоречие с реальностью, являясь даже отдалённо непохожим на действительный населённый пункт, сразу предполагая художественный фокус читательского восприятия, исключая при этом возможность реального прочтения. Следует отметить, что в письме отсутствует и дата отправки. Текст сообщения оказывается выключен из темпоральной плоскости, теряя признаки естественности, и входит в область ирреальной модальности. Данные обстоятельства служат тому, что написанное не может быть воспринято буквально, хотя известно, что у письма Семи-Булатова был прототип: «По мнению М. П. Чехова, формой для этого письма послужило письмо его деда Егора Михайловича к его отцу Павлу Егоровичу» [1].

Во-вторых, известно, что «историчность топонима связана с тем, что идентификация признака, отражённого в названии, определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создаёт топонимическую систему» [9]. Представляется весьма комичной номинация села Блины-Съедены. Подобное наименование позволяет предположить «уровень развития» его жителей. Данный факт предваряет настроение рассказа, говорит о шутивно-ироничном произведении.

В-третьих, топоним служит одним из структурообразующих элементов жанра юморески. Особую роль номинатив «Блины-Съедены» получает благодаря доминантному расположению, находясь сразу после заглавия и, в сущности, открывая повествование.

Весьма примечательны те особенности текста письма Семи-Булатова, которые связывают его с чертами, свойственными эпистолярной манере А. П. Чехова. В письме персонажа отсутствует приветствие, так же и «Чехов редко пишет в письмах приветствия» [14]. Обращение к соседу содержит прилагательное «дорогой» и служит заменой приветствию «Дорогой соседушка» [13]. У А. П. Чехова «самое часто употребляемое в отношении адресата прилагательное — дорогой» [14]. Ещё одним признаком, сближающим письмо «старосветского помещика» с автором, является подпись: «Остаюсь уважающий Вас Войска Донского отставной урядник из дворян, ваш сосед» [13]. А. П. Чехов часто использует сложные подписи, полные распространителями или однородными членами предложения.

Содержательно языковая структура письма служит центральным средством создания образа. Известно, что, «используя избитую жанровую форму, Чехов решал новую

для юмористической журналистики задачу: языковый строй «письма» был подчинен характеру лица, от имени которого оно сочинялось» [1].

С первых строк заметно игнорирование правил орфографии и пунктуации. На страницах письма встречаются такие грубые ошибки, как: «извените», «приежайте», «Маиор» (по неизвестным причинам написано с заглавной буквы, возможно, определяется стремлением Семи-Булатова подчеркнуть значимость чина родственника), «цивилизация» и другие. Определённые знания пунктуации у автора письма имеются, однако нередко допущены ошибки: «...забыл как по батюшке», «Позвольте ж драгоценный соседушка хотя посредством сих...» и многие другие. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что сельский помещик малообразован, однако это не мешает ему впоследствии вступать в полемику с петербургским учёным.

Не менее примечательны и семантические недочёты, допущенные Семи-Булатовым. Например, в ряд однородных членов им включены лексемы, имеющие различные гиперонимы, тогда как по правилу образования однородного ряда необходимо наличие единого общего родового понятия: «Ошибочным является соединение в нейтральном стиле речи в качестве однородных членов несопоставимых (вещественно-неоднородных) понятий» [7]. Адресант письма создаёт следующую конструкцию: «Я пламенно люблю астрономов, поэтов, метафизиков, приват-доцентов, химиков и других жрецов науки...» [13]. Логично отнести химиков и астрономов к жрецам науки, однако метафизики и поэты, скорее, занимаются искусством, в то время как приват-доцент обозначает учёное звание, характеризуя человека по должности, а не по направленности научных интересов. Д. Э. Розенталь замечает, что «подобные сочетания используются в художественной литературе со специальным стилистическим заданием», в данном случае — речевая характеристика персонажа [7].

В области семантики можно выделить случаи нарушения лексической сочетаемости: «...к которым Вы себя причисляете чрез свои умные факты и отрасли наук, т. е. продукты и плоды». Предложение содержит аномальное сопоставление понятий «факт» и «отрасль науки» в качестве однородных, а также лексически несочетаемую конструкцию «умные факты». Факт может определяться как «действительный», «важный», «убедительный», «неоспоримый» [8]. Прилагательное «умный» имеет значения: «1. Обладающий умом. 2. Порождённый ясным умом, разумный», однако факт не может быть порождён умом, то есть чаще становится характеристикой лица, а не предмета или явления [6]. Уточнение «продукты и плоды», состоящее из однородных членов, объединённых союзом, помимо ненормативной однородности, не соотносится с контекстом, хотя синтаксически связано с «умными фактами» и «отраслями наук». Впрочем, данный случай можно отнести к ориентации

на речевые штампы по аналогии с выражениями «плоды трудов», «продукты производства». Однако окказиональное употребление слов в таком виде делает их некорректными.

Справедливо утверждать, что разнообразие ошибочных употреблений языковых единиц связано прежде всего со стремлением автора сформировать уникальный язык персонажа в качестве речевого портрета. Несмотря на простоту задачи — посредством текста показать необразованного помещика, А. П. Чехов не ограничивается лишь орфографическими и пунктуационными ошибками. Ведь, несмотря на отсутствие знаний в области правописания, Семи-Булатов не лишён навыков «изящной» словесности, на что указывают многочисленные стилистические признаки, часто отсылающие к высокому стилю. В тексте встречаются перифразы, нередко связанные с метонимическими отношениями: «в нашей части света» (= в нашем селе), «посредством сих старческих гиероглифов» (= посредством письма), «в наш недостойный материк» (= в наше село), «по всем частям вселенного мира» (= по всему миру) и другие. Последние примеры интересны тем, что, помимо окказиональности, перифразы содержат грамматические ошибки: с лексемой «материк» допустимо употребление пространственного предлога «на», обозначающего направление сверху, но не предлога «в», имеющего семантику направления внутрь; языковая единица «вселенного», как видно из контекста, употребляется в роли прилагательного, что является ошибкой, так как для образования прилагательного в данном случае должен использоваться суффикс -ск-.

В тексте регулярно встречаются разнообразные эпитеты, многие из которых имеют метафорическую основу: «нелепую душу человеческую», «жалкий письменный лепет», «мелким человечиком», «плебейский элемент», «великая огненная лучистая хламида», «мыслительного горизонта, покрытого светилami и аэроглитами (устр. метеорит. — Э. Г.)». Многие из образных средств выразительности дополнены однородными определениями, иногда лишёнными метафоричности, а иногда также являющимися образными эпитетами, например: «мои жалкие владения, мои руины и развалины», «властитель мира, умнейшее из дыхательных существ».

Особое значение имеет тавтология в пространстве текста: «...меня старого старикашку...» и «...Вы сочинили сочинение...», «разноцветными цветами». Принципиальное значение подобное выражение речевой избыточности получает не столько потому, что является стилистической ошибкой, сколько потому, что именно данный текстовый факт — регулярный приём А. П. Чехова в формировании речевой характеристики персонажа. Тавтология — повторение однокоренных слов [4]. Например, в рассказе «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» майор Щелкобобов обращается к своему камердинеру: «Я хочу

поговорить с тобой по-человечески, как с человеком...» [10]. Или, например, в рассказе «Перед свадьбой» господин Назарьев так характеризует гамму чувств, испытанных им по прочтении «Зола» (Э. Золя): «Я такие чувства чувствую...» [12]. Хозяин свадебного праздника, герой рассказа «Корреспондент», нередко изъясняется, допуская тавтологию: «...а они, видите ли, сидят в уголку по-умному думают...»; «И того не понимаешь, а ещё сочинения сочиняешь» [11]. За тавтологией, вероятно, кроется бедность речи героев, их неспособность красочно передать мысль или выразить чувства. Невозможность реализации синонимии может означать и скованность мышления, однозначность взгляда на мир, который будто бы уже полностью известен. И чем менее нравственно развит герой, тем, быть может, чаще в его речи можно встретить неоправданные корневые повторы.

На синтаксическом уровне можно отметить наличие восклицательных конструкций и риторических вопросов, наличие которых может трактоваться как факт активного участия собеседника в разговоре и обсуждении определённых вопросов.

Весьма примечательным представляется тот фрагмент письма, где Семи-Булатов стремится «поставить запятую» и опровергнуть научные выводы своего соседа. Например, помещик оспаривает тезис о том, что «человек произошел от обезьянских племен мартышек орангуташек», прибегая к аргументам: 1) человек лишён хвоста и дикого голоса, 2) человека «цыганы» не «водят по городам на показ», 3) человек носит «одеяния, коих лишены обезьяны», 4) человек любит и презирает женщину именно потому, что от неё не пахнет обезьяной, 5) человека хоронят на христианском кладбище. Опровергающий тезис Семи-Булатова оказывается безосновательным ввиду мнимого следования. Недостаток образования помещика не даёт ему вести полемику в рамках науки, а уводит его к областям чисто эмпирических доказательств, никак не связанных с научной постановкой вопроса о происхождении человека. Подобная логическая ошибка называется мнимым следованием и состоит в том, что «доказываемый тезис не следует из оснований» [5]. В данном случае речь идёт о контртезисе Семи-Булатова — люди не произошли от обезьян. Подобную ошибку житель села Блины-Съедены допускает и в рассуждениях о жизни на Луне.

Наиболее выразительной особенностью мышления, проявленной помещиком в «споре», является круг в аргументации: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Причём важно, что в придаточной части А. П. Чехов дословно повторяет главную, давая понять, что Василий Семи-Булатов оказывается не способен прибегнуть даже к языковой уловке, каким-либо образом изменив придаточное-аргумент, что позволило бы ему сохранить смысл, воспользовавшись синонимическим потенциалом языка, и попытаться запутать собеседника.

Благодаря перечисленным языковым особенностям рассказа, выраженным в рамках письма Семи-Булатова, автор создаёт уникальный речевой портрет. Орфографические и пунктуационные ошибки помогают понять, что помещик «грамоту не знал и не учился», однако нельзя сказать, что персонаж совершенно выключен из культурной жизни общества. Вероятно, он прочёл несколько романов, наполненных патетикой выражений, «изысканностью» и витиеватостью слога, о чём говорят употреблённые им средства выразительности: поэтические перифразы и эпитеты, которые дополняют сообщение автора письма эвфуизмами — «языковыми конструкциями в высокопарном стиле» [3]. Факт более сложных ошибок говорит о том, что помещик даже без знаний грамматики редко прибегал к написанию неформальных текстов. Следует отметить, что тавтология справедливо может быть отнесена к средству связи между образцами особого литературного типа, созданного ранним А. П. Чеховым.

Логическая сторона речи Семи-Булатова явно служит обличительной иронией, показывая, что, помимо простого невежества, помещик лишён навыков элементарного логического мышления (круг в аргументации).

Примечательно, что А. П. Чехов усугубляет этот признак нарочитым параллелизмом строения придаточной части предложения-аргумента.

В пространстве небольшого рассказа перед читателем предстаёт неоднозначный образ помещика-провинциала, когда-то что-то читавшего, пребывающего в курсе современных тенденций («Она у меня эманципе...»), но не обладающего знаниями, свойственными просвещённому человеку конца XIX столетия. Некоторые синтаксические конструкции в составе письма могут указывать на границы определённого темперамента Семи-Булатова: «Черты холерика В. Семи-Булатова проявляются в восклицательных предложениях» [2]. Сельский житель теряется перед авторитетом петербургского учёного, однако не желает по-настоящему быть «стрекозой жалкой» и отстаивает как свои «научные» взгляды, так и своё положение соседа, приглашая бывшего петербуржца в гости и пытаясь соблюсти приличия: «Обычай ездить к соседям не нами выдуман не нами и окончится, а потому непременно приезжайте с машинками и книгами». Так, помимо обличительной интонации, звучащей на протяжении всего рассказа, читатель может распознать и мотивы проблемы поколений.

Список использованных источников

1. Громов, М. П. Примечания / М. П. Громов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 1 : [Рассказы. Повести. Юморески], 1880–1882 / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1974. — С. 547–603.
2. Иванова, Е. Е. Психолингвистический анализ речи Василия Семи-Булатова (А. П. Чехов. Письмо к учёному соседу) / Е. Е. Иванова // Вестн. Курган. гос. ун-та. — 2019. — № 1 (52). — С. 150–154.
3. Лагута, О. Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации : учеб. словарь терминов : учеб. пособие / О. Н. Лагута ; отв. ред. Н. А. Лукьянова. — Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2000. — Ч. 2. — 147 с.
4. Лагута, О. Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания : учеб.-метод. пособие / О. Н. Лагута ; отв. ред. Н. А. Лукьянова. — Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1999. — Ч. 1. — 71 с.
5. Москвин, В. П. Риторика и теория аргументации : учебник для вузов / В. П. Москвин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2022. — 725 с.
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. — 24-е изд., испр. — Москва : Оникс : Мир и Образование, 2010. — 640 с.
7. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь ; под ред. И. Б. Голуб. — 23-е изд. — Москва : АЙРИС-пресс, 2020. — 368 с. — (От А до Я).
8. Факт // Словарь сочетаемости слов русского языка : ок. 2500 словар. ст. / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина ; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — 2-е изд., испр. — Москва, 1983. — С. 634.
9. Хвесько, Т. В. Способы образования топонимов / Т. В. Хвесько // Вопр. когнитив. лингвистики. — 2009. — № 1 (18). — С. 107–113.
10. Чехов, А. П. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 1. [Рассказы. Повести. Юморески], 1880–1882 / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1974. — С. 19–23.
11. Чехов, А. П. Корреспондент // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 1. [Рассказы. Повести. Юморески], 1880–1882 / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1974. — С. 179–195.
12. Чехов, А. П. Перед свадьбой // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 1. [Рассказы. Повести. Юморески], 1880–1882 / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1974. — С. 46–50.
13. Чехов, А. П. Письмо к учёному соседу // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 1. [Рассказы. Повести. Юморески], 1880–1882 / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1974. — С. 11–16.
14. Шинтарь, В. В. Структурные особенности жанра личного письма XIX века: константы и переменные (на материале дружественной переписки А. П. Чехова) / В. В. Шинтарь // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / ГрГУ им. Я. Купалы. — Гродно, 2018. — С. 172–175.

Материал поступил в редакцию 28.03.2023.

Сведения об авторе: Гасымов Эльдар Шафиаддинович, студент факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: г. Хабаровск, пер. Облачный, д. 64, кв. 61; e-mail: Aldar283760@mail.ru; тел. 8-909-857-69-79.

Научный руководитель: Приходько Виктория Константиновна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).